

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Проблемы содержания первого раздела криминалистической науки

О.В. ЧЕЛЫШЕВА – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются различные подходы ученых-криминалистов к определению названия первого раздела криминалистической науки «Гносеологические и методологические основы криминалистики». Кроме того, автор анализирует такие понятия первого раздела криминалистики, как общая теория криминалистики, методология и методика криминалистики, дает авторское определение понятий «гносеологические основы криминалистики» и «методологические основы криминалистики».

Ключевые слова: гносеология; теория познания; гносеологические основы криминалистики; методологические основы криминалистики; методология; методика.

Несмотря на то что теоретический раздел прочно занял место первого элемента в системе криминалистики, существующие взгляды на него нельзя назвать однозначными. В течение нескольких последних десятилетий употреблялись разные термины для его обозначения. Наиболее распространенным является название «общая теория криминалистики». Кроме того, первый раздел криминалистики нередко обозначается как «введение в науку», «методологические основы криминалистики», «теоретические и методологические основы криминалистики», «научно-исследовательские основы криминалистики». Причем, как показывает анализ основных работ в области криминалистической теории, принципиальной разницы между этими категориями нет. Даже, наоборот, в литературе подчеркивается необходимость единообразного понимания общей теории, методологии, гносеологической сущности криминалистики.

Так, Р.С. Белкин указывает, что общая теория является методологической основой криминалистики. Методология конкретной частной науки не сводится к системе используемых в ней методов исследования, отражения своего предмета. Правильное понимание сущности методологии требует рассмотрения диалектического материализма – всеобщей научной методологии – как теории познания, что приводит к важному выводу: методология – это теоретическая система знания, то есть система идей, а не просто способов исследования¹. Таким образом, мето-

дологическую нагрузку в криминалистике берет на себя общая теория.

На наш взгляд, современный уровень развития криминалистики, характеризующийся становлением сугубо теоретических направлений, усложнением понятийного аппарата, сложностью и опосредованностью отношений между эмпирическим базисом научного знания и его теоретическим уровнем, обуславливает актуальность задачи более глубокого исследования природы научного познания в криминалистике, его процессов и механизмов. В настоящее время недостаточно простой констатации того, что диалектический материализм является всеобщей научной методологией, в том числе и методологией криминалистической науки. Тем более недопустимо смешивать такие понятия, как «диалектический материализм», «методология науки», «теория познания (гносеология)», «общая теория науки», «научно-исследовательский анализ» и т.п. Несмотря на то что данные термины и употребляются в криминалистической и философской литературе в близких значениях, глубокий анализ научного знания требует их разграничения.

В первую очередь остановимся на отграничении перечисленных понятий от «научно-исследовательского анализа». Следует отметить, что процессы самосознания науки очень разнообразны. «Науку изучают и такие специальные дисциплины, как социология науки, психология научного творчества, семиотика в той ее части, которая касается

знаково-символических средств науки и пр. Эти дисциплины также являются формой самосознания науки»². Исследованием науки занимается и история данной науки. Криминалистика, как и другие отрасли научного знания, может быть подвергнута анализу в данных аспектах. Такие исследования будут являться науковедческими, однако к теории познания, методологии и общей теории криминалистики их отнести нельзя. Таким образом, науковедческий анализ криминалистики охватывает значительно более широкие области данных, чем те, которые принято излагать в первом разделе данной науки.

Саму криминалистику в плане самосознания более всего интересует вопрос о том, как она выполняет свою основную задачу – получение адекватного знания об объективном мире. Проблемы же познания всегда традиционно связывались с таким разделом философии, как гносеология.

Термин «гносеология» происходит от двух греческих понятий: «гносис» – знание и «логос» – учение. В дословном переводе это означает учение о знании. Однако в философии гносеология традиционно представляется как теория познания, что позволяет избежать определенной тавтологии.

Теория познания – философское учение об отношении наших ощущений, представлений и понятий к вещам и явлениям объективного мира, о возможности правильного познания сущности предметов, об источниках познания, основных ступенях и формах познания и критериях истины.

Вопрос о познаваемости мира составляет вторую сторону основного вопроса философии, который решается сторонниками диалектического материализма положительно, то есть ими утверждается, что мир и его закономерности вполне познаваемы. Диалектический материализм исходит из того, что мир, природа существуют вне и независимо от сознания, что в ощущениях и представлениях человека отражается объективная действительность, что в основе исторически прогрессирующего познания лежит общественно-историческая практика, которая составляет критерий истины и доказывает способность мышления дать объективную истину. Познание идет от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него – к практике. В мире нет непознаваемых вещей, есть только вещи, еще не познанные, которые впоследствии могут быть раскрыты силами науки и практики.

Познание, как правило, определяется как совокупность процессов, обеспечивающих человеку возможность получать, перерабатывать и использовать информацию о мире³. Те явления или процессы, на которые направлена познавательная активность людей, принято называть объектом познания. Тот, кто осуществляет познавательную деятельность, обретает статус субъекта познания. Им может быть индивид, группа, общество в целом.

Таким образом, познание – это специфическая форма взаимодействия субъекта и объекта познания, конечной целью которого является получение истины, обеспечивающей освоение объекта с учетом потребностей субъекта.

Следовательно, гносеологическое отношение включает три составляющие: субъект, объект и знание как результат познания. Отсюда необходимо исследовать механизм взаимосвязи, которая возникает между получающим знание субъектом и объектом как источником знания, между субъектом и знанием, между знанием и объектом⁴. Совокупность данных связей и отношений в криминалистике, несомненно, обладает существенной спецификой, без осознания которой невозможно научное познание объективного мира. На наш взгляд, вопросы об объекте, предмете, субъекте, особенностях и истинности получаемого знания необходимо признать гносеологическими основами криминалистики.

С гносеологическими основами криминалистики тесно связаны ее методологические основы. Однако отождествлять эти две категории нельзя. Гносеологическое отношение «субъект–объект» предполагает наличие своего посредника (систему средств познания). Метод познания – это творческая лаборатория субъекта познания. Метод определяется природой объекта и уровнем его освоения. Изучением методов познания, их специфики занимается особый раздел философии – методология. Эвристический потенциал методологии зависит от уровня развития гносеологии⁵.

Понятия «методология», «методологические основы», «методологический анализ» науки употребляются и в более широком значении – фактически как способ рассмотрения науки как средства достижения знания, истины. По мнению некоторых философов, «можно говорить о методологическом анализе там, где вскрываются те элементы познавательного процесса, которые выступают в качестве средств и условий получения знания»⁶.

Таким образом, методологические основы криминалистики могут быть поняты в широком смысле как совокупность научных положений обо всех элементах познавательного процесса – его объекте, предмете, субъекте, результате и методах исследования. В этом смысле гносеологические основы криминалистики выступают частью ее методологии.

Надо отметить, что и в криминалистике возможны две трактовки понятия «методология» и его соотношения с общей теорией криминалистики. Так, А.Ф. Лубин заметил, что, с одной стороны, невозможно отрицать методологического значения любой теории (не только общей), а с другой – нельзя не видеть самостоятельного методологического уровня в научной теории⁷.

Кроме того, следует учитывать, что методология криминалистики, как и любой науки, многоуровневая. Методологические исследования достаточно сильно различаются по своему тео-

ретическому уровню, степени общности и дифференциации собственно методологической проблематики, уровню вычленения и осознания исходных понятий и средств методологического анализа⁸.

Так, диалектический и исторический материализм являются методологической основой познания явлений и процессов, изучаемых криминалистикой, но существует и более частная методология исследования, например методология познания закономерностей механизма преступной деятельности, закономерностей механизма расследования. Кроме того, методологическим будет, по-видимому, и исследование таких приемов познания в криминалистике, как идентификация, моделирование и т.п. В этом смысле понятие «методология криминалистики» является еще более широким, чем «гносеологические основы».

С другой стороны, методологию криминалистики можно рассматривать и более узко – как систему научных положений о методах исследования. В этом смысле гносеологические и методологические основы будут выступать в качестве двух равноправных разделов, каждый из которых занимается анализом познавательных процессов криминалистической науки в соответствующем аспекте.

Кроме того, следует помнить, что понятие «методология» в криминалистике весьма активно употребляется и в совершенно ином смысле.

Так, Г.А. Зорин определяет методологию как совокупность методов, применяемых в определенной сфере деятельности, и в связи с этим различает методологию криминалистики как учебной дисциплины, методологию криминалистики как науки и методологию криминалистики как практической деятельности по расследованию преступлений⁹. В целом данный подход обоснован, поскольку о существовании методологии науки и практической деятельности говорилось основоположниками криминалистической теории Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом еще тридцать лет назад¹⁰. В то же время, на наш взгляд, в формулировке Г.А. Зорина имеется существенная неточность, заключающаяся в том, что автор отождествляет криминалистику и практическую деятельность по расследованию преступлений. Более того, в его работе неоднократно употребляются выражения «криминалистическая деятельность», «криминалистическое действие» и т.п. Например, указывается, что криминалистическая методология – это система операций выбора последовательности выполнения криминалистических действий¹¹.

Криминалистика – это наука, специфическая форма общественного сознания, с одной стороны, представляющая собой совокупность знаний об окружающем мире, а с другой – разрабатываемая средства и методы преобразования данного окружающего мира. У криминалистики, как и у других наук, есть свой «участок» окружающей действительности, совокупность явлений и

процессов, познаваемых и преобразуемых за счет внедрения научных разработок. Однако те же самые явления и процессы (деятельность по расследованию преступлений) изучаются и преобразуются другими науками, в том числе уголовным процессом, административным правом и пр. Это относится и к так называемым «криминалистическим действиям». Если Г.А. Зорин под криминалистическими действиями понимает следственные действия и другие действия лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность (дознателя, специалиста, эксперта, судьи и т.д.), то они изучаются не только криминалистикой, а следовательно, употребляемый термин «криминалистические действия» выглядит некорректным. Поэтому, полагаем, правильнее говорить о криминалистической методологии как системе методов, разрабатываемых криминалистикой в целях преобразования изучаемых явлений и процессов (в том числе и с целью совершенствования деятельности по расследованию преступлений). В этом смысле гносеологические основы и криминалистическая методология находятся в совершенно разных плоскостях.

В криминалистической литературе отмечается недопустимость смешения таких понятий, как методология и методика. Методология выступает как тип рефлексии, изучающий средства познания, категории и понятия, методы и процедуры исследования, объяснительные схемы и способы построения научных теорий. Разница между методологией и методикой состоит в том, что в первом случае речь идет об отношении «человек–предстоящая деятельность», во втором – «человек–программа деятельности»¹². Поэтому вряд ли будет правильным говорить, например, о методологии осмотра места происшествия и т.п.

На наш взгляд, нельзя отождествлять и такие понятия, как методология и общая теория криминалистики. Общая теория криминалистики определяется как система ее методологических принципов, теоретических концепций, категорий, понятий, определений, методов и связей, представляющая научную интерпретацию предмета криминалистики как целого¹³. Общая теория неоднородна по своему содержанию. В ее состав включаются положения об объекте, предмете, принципах развития, природе криминалистики, ее месте в системе научного знания. По мнению Р.С. Белкина, это науковедческая часть общей теории. Чаще всего для ее обозначения применяют термин «введение в общую теорию криминалистики».

Представляется, что ни то, ни другое название не отражают сути данного раздела даже приблизительно. По поводу науковедения мы уже приводили объяснение о том, что науковедческие проблемы очень разнообразны и не ограничиваются вышеперечисленными вопросами. Еще менее подходящим является название «введение в общую теорию». Под введением всегда

понимается какой-то предварительный обзор проблемы, предшествующий основной части. В данном же случае речь идет не о предварительном ознакомлении с остальными структурными элементами общей теории, а о самостоятельном важном вопросе – знаниях, получаемых криминалистикой. Думается, что введение может существовать в конкретной научной работе, публикации, учебнике и других материальных выражениях научной мысли, но не в науке как одной из форм общественного сознания.

Считаем также, что не все положения, включаемые в общую теорию, имеют методологическое значение (даже в широком смысле). Так, например, непонятно, какое методологическое значение имеют учение о розыске или некоторые положения криминалистической систематики (классификация папиллярных узоров или признаков почерка), которые в настоящее время включаются в состав общей теории (на правах частных теорий).

Под теорией понимается система основных идей в области криминалистического знания, то есть научное объяснение объективных закономерностей тех явлений и процессов, которые изучает криминалистика. Общая теория криминалистики – это наиболее высокий уровень обобщения накопленных данной наукой знаний.

Попробуем объяснить, что именно мы понимаем под наиболее высоким уровнем обобщения криминалистических знаний. Известно, что на определенном этапе развития общества получение научных знаний выделилось в особую форму духовного производства – науку, субъектом которой выступают специально подготовленные люди – научные работники, исследователи. При этом научная деятельность возможна только как общественная. Наука – синтез общественно-исторической практики многих людей, продукт всеобщего исторического развития в его абстрактном итоге.

Достижения научного познания по своей природе кумулятивны, они представляют собой общий итог всего того, что достигла наука к определенному времени. Научные исследования, начатые одним ученым, позднее продолжают другими. Безусловно, научные труды могут создаваться и отдельными учеными, но обязательно с использованием труда предшественников. Поэтому теория научного познания в поле внимания держит закономерности общего познания.

Следовательно, научное исследование направлено на изучение объектов, не только связанных с практикой человека, но и тех, которые создаются в ходе развития самой науки. В связи с этим объектом научного познания выступают и сами результаты познавательной деятельности: научные знания, оформленные в теории, гипотезы, проблемы, научные факты.

Мы позволим себе еще раз обратиться к работе А.Ф. Лубина, который (на наш взгляд, совершенно обоснованно) рассматривает ие-

рархическую трехуровневую систему научного знания в криминалистике: 1) нижний уровень – эмпирическое знание; 2) средний уровень – собственно теоретическое знание; 3) высший уровень – методологическое (метатеоретическое) знание. Первые два уровня являются знанием о реальности, третий – знанием о знании¹⁴. Когда мы говорим об общей теории криминалистики, то следует иметь в виду именно метатеоретическое знание.

В то же время данное метатеоретическое (общетеоретическое) знание неоднородно. С одной стороны, оно включает в себя собственно знание о знании (его объекте, субъекте и результате, связях и отношениях между ними). Это, образно говоря, статическая сторона. Для избежания тавтологии назовем ее гносеологическим аспектом общей теории. С другой стороны, имеется как бы динамическая сторона общей теории – знание о процессе получения знания, которое как раз и можно обозначить как криминалистическую методологию или методологические основы криминалистики в узком смысле.

Таким образом, в криминалистике можно выделить эмпирико-теоретический уровень исследований, к которому относятся большинство работ прикладного характера по криминалистической технике, тактике и методике, теоретический уровень – систему частных криминалистических теорий, а также метатеоретический уровень – общую теорию, которая содержит две стороны: методологические и гносеологические основы криминалистики.

Учитывая вышеизложенное, под гносеологическими основами криминалистики следует понимать систему теоретических положений о закономерностях получения и использования криминалистических знаний. К гносеологическим основам криминалистики следует отнести положения об объекте исследования, предмете науки, то есть получаемом знании, его сущности, природе и системе, особенностях их отношений между собой и с субъектом исследования. Под методологическими основами в этом смысле будет пониматься система теоретических положений о способах получения научного знания в криминалистике.

В совокупности гносеологические и методологические основы составляют общую теорию криминалистики, которая и должна рассматриваться в качестве первого элемента данной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 1. Общая теория криминалистики. С. 42.

² Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия. Методология. Наука. М., 1972. С. 10.

³ См.: Сальников В.П., Кальной И.И., Гуцериев Х.С., Сандулов Ю.А. Философия для аспирантов. СПб., 1999. С. 378.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 411–412.

⁶ Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни). С. 10.

⁷ См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997. С. 12.

⁸ См.: Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки (типы и уровни). С. 9.

⁹ См.: Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Минск, 2000.

¹⁰ См.: Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 14.

¹¹ См.: Зорин Г.А. Криминалистическая методология. С. 6.

¹² См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. С. 10; Педагогика и логика. М., 1992. С. 51.

¹³ См.: Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. М., 2000. С. 42.

¹⁴ См.: Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. С. 10.

Процессы социальной либерализации как фактор ужесточения уголовного преследования личности

О.В. ХОМЯКОВ – старший преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук

В статье рассматривается либерализация общественного сознания в России и ее непосредственное влияние как на инициирование деструктивных действий, так и впоследствии на ужесточение уголовного преследования личности. Автор опровергает устоявшиеся стереотипы о либеральном общественном идеале как об универсальном и идеальном. Статья приобретает особую значимость в связи с последними инициативами Президента и Правительства России по реформированию уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: либерализация общественного сознания; социальная либерализация; либерализм; пенитенциарная политика.

Построение цельной объективной картины становления и эволюции российского либерализма является возможным при анализе не только либеральных инициатив «сверху», но и при рассмотрении деструктивных реакций личности «снизу» на эти инициативы. Либеральные идеи «проникают на российскую почву» с середины XVIII в. Особенности развития либерализма в России в этот период принято считать следующие. Во-первых, либерализм выступал как некая форма духовной активности элиты дворянства, воплотившаяся в идеях и текстах теоретиков, пытающихся реализовать свой научный потенциал в интересах власти, а во-вторых, как некий элемент интеллигентского сознания, призванный согласовать почвеннические, крестьянские, в основном архаичные идеи и ценности с интересами властвующей элиты. Российская интеллигенция рассматривала элементы западной культуры не как самоценность или как элемент личностного саморазвития человека, а только как средство достижения определенно понимаемого блага для народа. Действия российской интеллигенции, по сути, были направлены скорее на «восстановление догосударственного (или с крайне слабой государственностью) крестьянского социализма, склонного превращать страну в конгломерат замкнутых, основанных на натуральном хозяйстве общин»¹. Об этом писал

и Н.А. Бердяев: «Общественный утилитаризм в оценке всего, поклонение “народу”, – то крестьянству, то пролетариату, – все это остается моральным догматом большей части интеллигенции»². Таким образом, можно констатировать, что в русском интеллигентском сознании преобладал преимущественно утилитарный компонент, идея либерализма «превращалась в чистое средство, лишенное своей самоценности, из него выхолащивалась сердцевина: нравственное содержание, философия либеральной цивилизации, каждый элемент либерализма вырывался из либерального контекста, рассматривался в совершенно иной культурной ситуации»³. Н.А. Бердяев в свойственной ему манере противопоставлений «тезисов и антитезисов» характеризует российскую интеллигенцию: «Интеллигенция наша дорожила свободой и исповедывала философию, в которой нет места для свободы, дорожила личностью и исповедывала философию, в которой нет места для личности, дорожила смыслом прогресса и исповедывала философию, в которой нет места для смысла прогресса, дорожила соборностью человечества и исповедывала философию, в которой нет места для соборности человечества, дорожила справедливостью и всякими высокими вещами и исповедывала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего